

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610

Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе*

В.В. Щебланова¹, Л.В. Логинова¹, Д.В. Зайцев², И.Ю. Суркова³

¹Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, 16, Саратов, 410028, Россия

²Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
ул. Политехническая, 12, Саратов, 410054, Россия

³Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС
Соборная пл., 23/25, Саратов, 410017, Россия
(e-mail: vsheblanova@mail.ru; lvloginova66@mail.ru;
zaitsevd@bk.ru; irina_surkova@mail.ru)

В статье представлены результаты регионального социологического исследования специфики гражданского активизма студенческой молодежи и прогноз развития деструктивных проявлений в Поволжском регионе. Гражданская активность — неотъемлемый компонент обновления и социального развития, который строится на высокой разноформатной и разновекторной активности молодежи в целях осуществления социальных преобразований «здесь и сейчас». Для части молодых людей активизм стал своеобразной занятостью в офлайн- и онлайн-форматах. В ряде случаев наблюдается деструктивный (вплоть до делинквентного) гражданский активизм молодежи — как ответная реакция на несправедливое, неправомерное действие или отношение, прежде всего со стороны власти. На основе комплекса теоретических положений структурного функционализма, конфликтологической и интерпретативной парадигм в статье раскрыты особенности реализации активистских интенций молодежи Поволжского региона и представлена их интерпретация. В ходе эмпирического исследования, реализованного методом экспертного опроса, были установлены зависимости между социальной несправедливостью и гражданской активностью, участием в волонтерской деятельности. Выявлено активное распространение радикальных идей на низовом уровне повседневной жизни, в рамках бытовых форм взаимодействия и на фоне снижения публичной гражданской активности, что определяет нарастание скрытого конфликта между населением и властью. Риск роста социальной деструктивности обусловлен назреванием кризиса ожиданий изменений, консервацией социально-экономических проблем, ренессансом социалистических идей, которые становятся популярны в молодежной среде, увеличением количества числа иногородних и особенно иностранных студентов. Концентрация студенческой гражданской активности в Поволжском регионе наблюдается вокруг наиболее актуальных проблем федерального и локального уровней. Применение санкций к студентам, участвующим в митингах и протестных группах социальных сетей, только стимулирует интерес молодежи к протестной деятельности. Необходима молодежная политика, чувствительная к нуждам и потребностям молодежи и способная создать разноформатное пространство для позитивного молодежного активизма.

Ключевые слова: гражданский активизм; молодежь; социальная активность; студенчество; социальная деструктивность; Поволжский регион

* © Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., 2019.

Статья поступила в редакцию 01.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020.

Проблемам гражданской активности студенческой молодежи традиционно уделяется повышенное внимание со стороны государства, общества, различных социально-политических структур и ученых. Это объясняется спецификой молодежной когорты как особой социально-возрастной группы с высокой когнитивной активностью, мобильностью, находящейся в поиске приемлемых для самореализации условий и сфер жизнедеятельности, вплоть до политического протеста, радикализма. Соответственно, необходима целенаправленная политика по формированию гражданственности молодежи, созданию условий для того, чтобы каждое новое поколение отождествляло себя с общим благом и становилось заинтересованным членом общества [25]. Развитие гражданской активности молодежи предполагает формирование способностей к разрешению конфликтов, связанных с предвзятостью и предубеждениями, сбору информации о государственных, национальных и глобальных проблемах, организации других вокруг общего дела [24]. Без продуктивного гражданского участия разочарование и неудовлетворенность молодежи могут привести к аномии и негативному поведению [26].

В современных социально-политических условиях наблюдается рост молодежного гражданского активизма, социологи фиксируют запрос российского общества на развитие сфер гражданского участия с привлечением молодежи. По данным всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ в 2017 и 2019 годы, 90% россиян заявляют о важности активного вовлечения молодежи в общественную жизнь (75% в 2007 году) [15]. При этом возникают новые формы протестной активности, имеющие деструктивный характер, например, либеральный (неолиберальный) радикализм и экстремизм, преследующие цель переустройства незападных обществ посредством «ненасильственного протеста» по западному образцу. В России ответом на данную угрозу стала активизация казачьих обществ, создание «сверху» проправительственных движений «Наши» и «Антимайдан», призванных противостоять экстремистским проявлениям политической оппозиции, но оказавшихся на грани экстремизма в своей деятельности [17. С. 129]. Массовые протесты и акции с участием студентов, прошедшие в 2019 году в Москве (за свободные выборы в городскую думу), Санкт-Петербурге (в поддержку журналиста Ивана Голунова), Екатеринбурге (против строительства храма), Архангельской области (против строительства мусорного полигона), Саратовской области (против переработки опасных отходов) и других регионах, показывают наличие оппозиционных настроений у молодого поколения, его стремление к деструктивной гражданской активности, вплоть до политического радикализма, как в реальной среде, так и в интернет-пространстве. Появились молодые лидеры-активисты, которые ведут блоги, язвительные и разоблачительные каналы на YouTube, привлекая внимание значительного числа молодых людей, что происходит на фоне спада экстремистских акций.

Так, МВД России за семь первых месяцев 2019 года зарегистрировало 371 преступлений экстремистской направленности, что почти на 60% меньше

в сравнении с показателями аналогичного периода 2018 года [7]. Возникает вопрос: действительно ли это устойчивый спад, или же деструктивный активизм меняется в поисках новых практик? Использование Интернета в протестном движении [12], террористическими и экстремистскими организациями [4] приводит к созданию онлайн-пространства с новыми субъектами, формирует феномены виртуальной деструктивной гражданской активности, виртуального протеста, экстремизма, хактивизма (ненасильственного легального и нелегального использования компьютерных технологий для политических задач) как новых видов политического участия студентов, являющихся наиболее интернет-активной социальной группой.

Традиционно внимание исследователей концентрируется на позитивных форматах гражданского участия молодежи [14] или политическом радикализме и экстремизме как феноменах деструктивной протестной активности [1; 7; 16]. Активность второго типа бинарна и характеризуется синтезом конструктивных целей (активизация социальных групп, сплочение людей) и деструктивных (снижение активности социума, дестабилизация, дезорганизация) [13]. Деструктивным протестное поведение считается, когда активистские практики по отношению к политической системе квалифицируются как преступления (политический экстремизм и терроризм [3]), происходят несанкционированные акции протеста, сопровождающиеся моральным и материальным ущербом вплоть до террористических актов, представляют угрозу для здоровья и жизни [1. С. 1718]. Вместе с тем некоторые исследователи при концептуализации протестного движения отмечают его функцию общественной самокритики, необходимой для развития гражданского общества, создания и поддержания социальных институтов [22].

Несмотря на сложность локализации «плохих» форм протеста (скажем, правого радикализма), которые оказываются в конфронтации со своим «хорошим» врагом (скажем, движениями «антифа») [2. С. 128], обращение к деструктивности позволяет очертить формы гражданской активности, несводимые к агрессии или насилию (отказ от выполнения социальной роли), но приводящие к разрушению [6. С. 68]. Деструктивная гражданская активность — это действия, возникающие вследствие социальной несправедливости, неравенства, социально-политической напряженности с целью противодействия им и проявляющиеся в коллективных и индивидуальных дискурсах, протестных акциях (в том числе открытого сопротивления, экстремизма) — как явно неодобряемых, так и латентно одобряемых обществом [9. С. 98]. Граница между конструктивностью/деструктивностью гражданского активизма во многом определяется возможностями достижения социального консенсуса относительно перспектив общественного развития [10. С. 246].

Молодежь — социальный ресурс, необходимый для осуществления социальных преобразований: при ее непосредственном «оживляющем посредничестве» общество быстро адаптируется к новым условиям [12. С. 444]. Соответственно, гражданская активность является неотъемлемым компонентом

социального развития. Однако для активизации молодежного движения необходим благоприятный структурный контекст, векторно обозначенный неуверенностью в завтрашнем дне, непрозрачностью функционирования общества при наличии явных признаков социальной аномии [21. С. 172]. Вряд ли следует оценивать современную молодежь как аполитичную, индифферентную и эгоцентрированную — представители молодежи относительно пессимистично оценивают свои перспективы на фоне конгломерата объективных социальных проблем, опираясь на интериоризированную в ходе социализации систему ценностей [18. С. 360]. Необходимым условием гражданского активизма является и «структурное напряжение» в коллективном поведении [30]: оно появляется, когда в обществе обостряются социальные противоречия между экономическими интересами, шансами на удовлетворение потребностей, оценкой и пониманием ценностей. Структурная напряженность в соответствующем контексте начинает провоцировать чувство относительной депривации молодежи, что порождает деструктивное социальное поведение молодежи.

С позиций конфликтологической парадигмы деструктивный гражданский активизм — это реакция граждан молодого возраста на несправедливое, иногда непропорциональное действие или отношение, проявляющаяся при обострении социальных проблем. Социальная несправедливость и гражданская активность имеют четкую причинно-следственную связь: активность индуцируется в практиках, полезных для общества, катализируя социально-политические изменения (конфликт как проявление социального противоречия полифункционален), однако зачастую направлена на корректировку или замену социокультурных целей и легитимных средств их достижения [27]. В теории социальной справедливости [19; 29] деструктивная гражданская активность — механизм отстаивания интересов на основании оценки конкретной ситуации через соотнесение текущего и желаемого положения дел [20]. При широкой трактовке становится очевидным, что это тематически вариативное, многоуровневое проявление социально-политической активности с большим набором конструктивных и деструктивных маркеров, определяющих потенциал воздействия на общественные структуры и акторов. Позитивный вектор деструктивности при отстаивании молодежью своих гражданских позиций может заключаться в нивелировании последствий социального недовольства, смягчении причин неодобрения действия властей, что приводит к модификации устаревших норм (традиционных), формированию новых элементов социальной структуры, оптимизации адаптивных механизмов. В макросоциологической теории «новых социальных движений» [23; 28; 31] фреймы проявления гражданской активности молодежи, которая выступает проводником (выразителем) идентичности нового типа и структурирует свою деятельность вокруг ценностей прав человека, антикоррупционных, антивоенных, экологических и пр., враждебны не властным структурам, а социальным группам и конкретным людям с иной идентичностью [12].

Цель статьи — выявить особенности гражданской активности студентов и оценить риски деструктивных проявлений в региональном социуме. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные экспертные интервью (N=31), собранные в августе–сентябре 2019 года для оценки деструктивных проявлений гражданского активизма студентов Саратовской области. В опросе приняли участие руководители учреждений системы среднего профессионального и высшего образования, органов государственного и местного управления, специалисты по молодежной политике региона и муниципальных районов, представители молодежных некоммерческих организаций, студенческого актива учебных заведений, руководители центров социологических и социально-политических исследований, ученые, занимающиеся вопросами гражданского общества, молодежной политики и девиантного поведения.

Гражданский активизм студенческой молодежи: результаты опроса экспертов

Фокус студенческой гражданской активности в Поволжском регионе — комплекс наиболее актуальных для всей России и региональных проблем. Молодежь активно реагирует на *«резонансные федеральные проблемы, которые ярко представлены в СМИ»; «те, которые широко освещаются в понятном пространстве социальной сети, в новостных ресурсах. Глобальные и острые проблемы, по которым идет целенаправленная информация — яркая, скандальная, без подкрепления, без скидки на достоверность... Очевидный пример — ситуация с переработкой отходов 1 и 2 класса опасности в поселке Горном: митинги идут как следствие работы по продвижению оппозиционных задач. Участники митинга не понимают сути происходящего, мало кто знает, что строится, что там будет происходить».*

Локальное проблемное поле Саратовской области является типичным, включает стандартный набор проблем, характерных для большинства провинциальных регионов: *«низкий уровень благосостояния, достатка, заработных плат, социальных благ, сокращение рабочих мест, закрытие предприятий, невозможность найти достойную работу, безработица — в конечном итоге создающие большие напряжения, которые вырастают в активность граждан, в том числе и молодых».* По мнению экспертов, от *«нехватки рабочих мест и низкого уровня заработной платы больше других страдают молодые, недавно закончившие учебные заведения. Даже устроиться на работу с зарплатой около 15 тысяч не просто, а если у молодого человека уже есть семья и дети, то содержать их на такую сумму нереально».*

Актуальна проблема отсутствия возможностей для профессиональной реализации в регионе: *«проблемы стандартные в нашем городе, как и во всей Саратовской области... — малое количество рабочих мест, где молодой человек может применить свои профессиональные навыки, выходя из стен учебного заведения»; «за счет наших выпускников с юридическим, техническим, экономическим образованием пополняются различные учреждения питания,*

кафе. Они предпочитают уходить в увеселительные учреждения, осознавая, что там зарплата будет выше, — это очень печально». Столкновение с проблемами региона, которые остаются нерешенными, «формирует определенный гражданский запрос у неравнодушных, социально активных студентов, порождает состояние неудовлетворенности и протестные настроения».

Протестный характер гражданской активности студентов, радикальные настроения молодежи, как полагают эксперты, порождают факторы, связанные как с общим ухудшением социально-экономического состояния в регионе, неблагоприятным социально-политическим климатом, так и проблемами социокультурного, социально-психологического и коммуникативного характера: «встаешь утром — в умывальнике нет воды, включаешь чайник — нет света, выехал — попал в пробку, колесом в яму..., доехал до работы — дали маленькую зарплату. Все эти социально-экономические проблемы, бытовые, давят на человека, заставляют злиться, искать выход эмоциям, виноватых, и этот виноватый чаще всего — власть метафоричная, не кто-то конкретный, а власть государственная, и идут бороться с государством»; «радикальные настроения у молодежи порождает социальная незащищенность, невозможность себя реализовать». Углубление социального неравенства увеличивает запрос молодежи на социальную справедливость, формирует установки «устранить пропасть между богатыми и бедными, так как люди видят, что чиновники кичатся этим, хотят уважения, признания. Саратовская область — богатый природный, промышленный регион (аграрный сектор, авиационный, троллейбусный), но это рушится под личными меркантильными запросами кучки жуликов»; «усиление социальной несправедливости, отрыв местных элит от простого населения способны повысить у молодежи аппетит к риску, что может вылиться в голосование за левую оппозицию»; «отсутствие диалога с властью, социальных лифтов возмущает жителей — градус активности повышается, приводит к экстремизму»; «рост нареканий в адрес региональной власти, явное расхождение отчетов о социально-экономической ситуации в регионе с ощущениями простых людей способны подтолкнуть молодежь к деструктивному, политически неодобряемому, поведению»; «конфликты с властью из-за экологических проблем, бездумной градостроительной политики вполне могут раскрутить спираль протестов».

Эксперты отмечают и «психологические проблемы — неудовлетворенность, невостребованность... — ищут выход и находят ответ в Интернете, но не понимают последствий», «узкий горизонт жизненного планирования». Некоторые хотят «найти свою войну, юношеская бравада, любопытство»; «вся деструкция идет от того, что они не заняты, не знают куда себя применить, энергия прет, одной учебы не хватает, чтобы себя реализовать»; «деструкция может возникнуть у студентов, которые по личным ощущениям являются лидерами, которым хочется быть увиденными, услышанными, которых, может быть, в школе недооценили, здесь не заметили, не те оценки получают, которые бы хотели получить, амбиции свои не

реализовали». Прозвучало и такое мнение: *«когда мы говорим про деструкцию в гражданской активности, то надо понимать, что все очень индивидуально и субъективно... участие в несанкционированных митингах — весьма импульсивно, плохо осознаваемо, когда присутствует непонимание того, что за всем этим стоит».*

Ряд причин протеста носит социокультурный характер: *«доминирование у молодежи идеологии успеха, денег, лидерства»; «мода на протест — символику соответствующую студенты носят на браслетах, на накладках телефона»; «социализация агрессии в семье, влияние окружения, кругов общения, оппозиционных партий, радикальных групп и организаций»; «негативное отношение к закону»; «недостаток образования, воспитания»* и т.д.

Эксперты называют разные формы гражданского активизма студентов: в первую очередь, участие в публичных мероприятиях (митинги, протесты, пикеты), которые часто сопровождаются неправомерными действиями. В Саратовском регионе наиболее высокая протестная активность студентов наблюдалась в 2016–2018 годы на митингах несистемной оппозиции. Значительная часть участников протестов, по мнению экспертов, — студенты и молодежь, люди до 35 лет: *«Саратовские студенты вовлечены в протестные формы гражданской активности и достаточно в большом количестве. Не случайно протестные акции по поводу и без организовывались в учебный период, когда были выборы в областную и городскую думу. Здесь Навальный, конечно, вместе с Собчак нашли возможность побывать в Саратове, завезли сюда определенную сумму средств. Те митинги, которые они организовывали у нас за счет этого финансирования, собирали достаточно большое количество людей, в том числе студентов, которые “ведутся” и на деньги»; «посмотрите всевозможные одиночные пикеты — кто там стоит? Это наши студенты, они стоят и от ЛДПР, и от КПРФ, и от Навального».* Вместе с тем есть и такое мнение: *«были наши студенты, участвовали, но их очень мало... сказать, что у нас есть оппозиционно настроенные, не могу».* Причинами протестов были: *«деятельность правительства и парламентов по отмене некоторых социальных гарантий (запрет критики, неуважения власти, инициатива сенатора от Саратовской области о суверенном Интернете), повышение тарифов, некачественный сбор и утилизация мусора, ситуация с выборами, активизация системной и несистемной оппозиции».*

В протестной повестке региона за последний год на первые позиции вышли проблемы экологии (размещение на территории региона вредных производств). Роль лидера в организации подобных акций важна (иначе это просто толпа), но не обязательна (если проблема не политизирована, то общество самоорганизуется за счет сетевых интернет-ресурсов). От массового участия в протестных акциях студентов удерживают: *«мнение, что от их участия ничего не зависит»; «недоосмысленность, непонимание серьезности предлагаемых мер, проблем, что поднимаются на митингах»; «боязнь ответных мер в отношении себя (попадание в полицию, обвинения в экстремизме, нежелание публичности, жесткое давление в вузах, угроза отчисления)».*

Мнения экспертов о количестве студентов, готовых выйти на улицы городов Саратовской области и поддержать протесты, разделилось. Одни считают, что это число за последний год увеличилось (незначительно или значительно) вследствие *«общего роста демократии в стране; возрастания стремлений молодежи влиять на жизнь свою и общества; появления дополнительных политизировавшихся средств коммуникации (Инстаграм); увеличения ресурсов оппозиционных сил привлекать больше студентов через социальные сети»*. Другие эксперты считают, что это количество не увеличивается, так как новое поколение молодежи более конформистское: *«рожденные в 2000-е позиционируют себя как путинское поколение.., это по большей части конформистская молодежь, ей удобнее демонстрировать одобряемое поведение»; «студентов, готовых выходить на улицы, становится меньше, ведь свою гражданскую позицию можно показать через лайки, репосты и другие доступные способы в Интернете»; «на мероприятия официального характера ходить не любят и там свою позицию не проявляют; есть такие, кто слушает на YouTube оппозиционные каналы, журналистов, ...а самое неприятное — пойти на митинги протеста»*.

По мнению экспертов, экстремистские настроения не распространены в Саратове, но существуют: *«я не назвал бы присутствующую в городе активность деструктивной — это больше вопрос взглядов и позиций, которые отличаются от мнения власти и большинства»; «настроения пытаются насадить, но опять же аморфность людей нас спасает, — ведь по большому счету противопоставить критическим настроениям нечего»; «прослойка радикалов очень маленькая в процентном отношении»; «экстремистски настроенных, готовых выйти со знаменами, сооружать баррикады, нет — есть те радикально настроенные, кто заиклен на решении личных вопросов, своих проблем.., но как системы организаций экстремистского толка нет»*. *«Исследование Амелиной самой большой группы наших студентов в соцсетях (почти 17 тысяч)... выявило готовых к деструктивной активности. Их немного, но они были готовы к Колумбайну... Я не могу сказать, что он завтра пойдет стрелять, но были суицидальные настроения... Несколько человек (иногородние студенты) относились к исламскому экстремизму — их взяли на особый контроль, вызывали, проводили беседы»*.

Большинство экспертов затруднилось назвать организации экстремистского толка в Саратовской области, но отметили их наличие: *«в Саратовской области есть радикальные организации. Мы проводили опросы саратовских студентов, результаты которых показали, что студенты... знакомы как с деструктивными организациями, так и с их лидерами. Это не только радикальные полуфашистские организации, но и религиозные организации с националистическим уклоном... Ответов о названиях, месте нахождения этих организаций, фамилиях лидеров не было — в силу нежелания раскрывать эту информацию»; «о том, что такие организации есть, свидетельствует и работа фсбэшников, которые, то одних арестуют, то других»*. Экспертам *«встречалась статистика, что около 3 тысяч молодых людей из*

Саратовской области воевали в Сирии на стороне ИГИЛ (запрещенной в России организации) ... После разгрома многие из них легально или нелегально вернулись в регион, здесь находятся и представляют определенную опасность».

Среди известных экспертам радикальных групп в социальных сетях были названы: *«группа ВКонтакте, направленная на экстремистские вещи, — “Мужское государство” ... Была группа “Саратовский кэжуал”, ее участники делили людей по одежде — дорогая/недорогая, оригинальная/поддельная, в жесткой форме обсуждалось это, унижали кого-то по признаку “кто как одет”. С ними боролась другая группа из студенческих отрядов — спортсмены. С такими группами борются, закрывают, но открывают новые. Интересно, что на 3 экстремистские группы в сети создаются 4 противодействующие им, причем самой молодежью, так что у нашей молодежи самоочищение присутствует».* Один из экспертов упомянул *«анархистов и рационалистов», имеющих высокий протестный накал: «Например, в 2018 году толпа людей по проспекту Кирова двинулась в сторону здания правительства с антипрезидентскими лозунгами. Это было экстремистское мероприятие, призывающее власть к ответственности. Власть с каждым лидером таких групп работает точно: уволить с работы, отчислить из вуза, завести уголовное дело, оштрафовать, лишить жилплощади. За последние 10 лет в Саратове перестали существовать десять политических организаций разных взглядов (левые, правые, радикальные, конструктивные)».*

«В Саратовской области в 2018 году из 18 уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений экстремистской направленности, одно дело в отношении студента..., обучавшегося по технической специальности (высказывания в ВКонтакте против выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья; распространение символики войск СС, свастики, взглядов Гитлера, неонацистов). За 9 месяцев 2019 года из 7 возбужденных дел по статьям УК экстремистской направленности одно — против студента Саратова, обучающегося на специальности, связанной со сферой обслуживания, по статье о реабилитации нацизма, были высказывания антисемитской направленности». «Все уголовные дела по преступлениям экстремистской направленности — по фактам размещения в Интернете материалов экстремистского характера: возбуждение ненависти или розни по национальным, религиозным признакам. В группах ВКонтакте, например, после проведения национально-культурных праздников или размещения новостей по миграционной политике, шли комментарии с экстремистским содержанием, размещались свастика, символы запрещенных экстремистских организаций, музыкальные произведения крайне правой направленности».

Риск роста экстремистской активности одни эксперты видят для молодежи в целом — поскольку она *«демонстрирует незаконные формы поведения — от размещения граффити, плакатов, листовок с оскорбительной лексикой до готовности к радикальным действиям в виде перекрытия дорог, неподчинения полиции».* По мнению других экспертов, опасность радикализации настроений

в большей степени касается студентов — *«в силу их психологической незрелости, зависимости от чужого мнения»*, особенно для первокурсников, которые *«вырвались в самостоятельное плавание»*. По мнению третьих, *«потенциал радикализма переходит на рабочую молодежь, а студенты сегодня не самая радикальная группа, потому что стали рациональнее»*. *«В регионе есть примеры работы деструктивных организаций, например, неоязычников, вербовщиков молодежи, мотивированной на спорт... Эта молодежь не охвачена гражданской активностью, здесь есть большое поле для антиэкстремистской профилактической работы»*. Радикально настроенные — это молодые люди, которые, независимо от уровня достатка, *«не чувствовали себя защищенными... в семье, не получали от родителей, педагогов должного внимания, поэтому уходят в агрессию, находят поддержку в радикальных группировках»*, или те, кто не видит перспектив самореализации.

Социальная профилактика деструктивности

В Саратовской области профилактические мероприятия ориентированы, в первую очередь, на массовое вовлечение студенческой молодежи в разнообразные формы позитивной гражданской активности. В регионе *«созданы широкие возможности для этого: в образовательных учреждениях — начиная от волонтерства и заканчивая патриотическими клубами, студенческими отрядами правопорядка»*; в органах государственной власти и местного самоуправления, на общественных советах, в политических партиях, молодежных организациях, на публичных мероприятиях по выражению общественного мнения и развитию городской среды, в добровольческом (волонтерском) движении и т.д. Однако эксперты отмечают и ряд проблем в профилактике деструктивной гражданской активности: упущения в региональной молодежной политике (добровольно-принудительный порядок, низкая квалификация кадров, нестыковки региональной молодежной политики с муниципальной и др.); низкий уровень региональной идентичности молодежи; хроническое недофинансирование; *«низкий охват вузовской молодежи»*; *«злоупотребления волонтерской помощью»*.

Риск перерастания гражданской активности в деструктивные формы *«вероятен, возможен»* и даже *«объективно неизбежен»* при наличии определенных обстоятельств: прежде всего, если *«пожелания, потребности, нужды студентов останутся без внимания со стороны власти, которая, в частности, не занимается решением вопросов социально-экономического развития Поволжского региона»*; *«уровень протестных настроений, общественно-политическую атмосферу следующих 2–3 лет будут определять социальная неустроенность, депрессия при латентной социальной конфликтности — следует ожидать нарастания скрытого конфликта населения и власти»*. Риск роста деструктивности в перспективе обусловлен *«назреванием кризиса ожиданий — ожидание перемен к лучшему затянулось»*; консервацией социально-экономических проблем (отсутствие реальных шагов власти по

улучшению жизни); ренессансом социалистических идей, лозунгов, которые становятся популярны в молодежной среде; тем, что *«лидеры оппозиционных партий и общественных движений пытаются использовать активную студенческую молодежь в своих интересах»*. Такой риск увеличивается из-за *«провокационной деятельности лидеров несистемной оппозиции», «отсутствия у молодежи чувства страха, опасности участия в гражданских акционистских практиках в защиту каких-либо социальных интересов и прав или для решения экологических проблем, в отличие от политических протестов, которые считаются опасными»*. Распространению радикальных взглядов среди студентов может способствовать *«увеличение числа студентов-мигрантов, а также граждан иностранных государств. В саратовских вузах обучается все больше приезжих как из республик Северного Кавказа, так и из-за рубежа (более 2000 студентов из 60 стран): Таджикистана, Ливии, Сирии, Египта, Ирака, Пакистана, где распространены организации экстремистской направленности»*. Кроме того, *«распространение радикальных идей сегодня переходит на бытовые формы межличностного взаимодействия, ненавязчивые практики низового уровня частной жизни»*.

Эксперты рассуждали и о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при мониторинге деструктивных (экстремистских) форм активизма: *«для нашей власти каждый, кто говорит правду и правдивые слова, оценивая реальность за окном, является экстремистом»*; *«радикальные, экстремистские настроения трудно считываются — всегда важно понимать, в каких условиях они опрашиваются, кто попытался на них повлиять.., как сформулированы вопросы»*.

В системе профилактики большинство информантов отмечает волонтерство как необходимый и действенный способ перенаправления деструктивной молодежной активности в созидательное русло. *«Пусть не решается личная проблема человека, но он может помочь в решении проблем других людей, участвуя в помощи малообеспеченным, сиротам, пенсионерам, и это смягчит его»*; *«он почувствует себя причастным к общему делу»*; *«ему прививается культура координаторов, руководителей волонтерских мероприятий, к минимуму сводится желание конфликтно решать проблемы»*. Однако эксперты уверены, что добровольчество нельзя насаждать, иначе это будет *«мертворожденное дело — не заставишь, только изнутри должно быть, важно, как доносят до молодежи — главное, чтобы не разрядкой»*; *«важно, чтобы волонтеры не рассматривались как бесплатная рабочая сила — надо относиться к людям по-человечески»*; *«мы не признаем это слово — волонтеры. У нас есть участники команды. Мы не считаем себя бесплатной рабочей силой, мы помогаем людям. Но важно, чтобы эта помощь действительно требовалась, а не так, что кто-то, привлекая нас, решает проблемы экономики бюджета»*.

Такой вид профилактики, как отслеживание и применение санкций к студентам, участвующим в митингах, в протестных группах социальных сетей, по мнению ряда экспертов, только стимулирует интерес молодежи к протестной

деятельности: «если в рамках профилактики студентов отслеживают, которые сидят в сети, ходят на митинги, то это все, наоборот, вызывает еще больший интерес... Отчислять за такие моменты, которые не связаны с нарушением внутренних правил, устава вуза, — нельзя. Пришел с митинга студент — проведи работу, поговори, выясни, что он извлек, поговори и не делай акцент, что это он сделал неправильно»; «отчисление может канонизировать в кругу сторонников, друзей, сделать лидером — ага, он пострадал за борьбу с режимом, значит, режим с ним расплатился»; «с каждым годом будет больше и больше тех, кто этого не боится — пусть отчислят, зато я буду честен перед собой»; «бывали случаи, когда вузы и ссузы ограничивали участие студентов в таких мероприятиях, однако только усугубляли ситуацию и подогревали интерес ребят».

Некоторые эксперты видят в отслеживании протестных групп в социальных сетях возможность своевременно пресечь деструктивные, радикальные настроения: «материал на страничке говорит о том, что студент в эту тему погружен, не просто так выставляет свои исламские картинки... С такими проводятся профилактические беседы, привлекаются диаспоры..., но это не национальная проблема, не национальный вопрос»; «в процесс социализации вторгаются совершенно новые институты, в том числе через Интернет, поэтому его контроль необходим. Здравый смысл нам подсказывает: главное, чтобы в этом не было перегибов, не устраивались публичные порки для устрашения». Эксперты отмечают важность системного характера профилактики деструктивности: «только работы силовых структур недостаточно — необходимо, чтобы внизу была разветвленная сеть молодежных, студенческих организаций, в цели которых входило бы и идейное воспитание молодежи»; «должны превалировать меры воспитания, обеспечения досуговой занятости и социальной поддержки семей»; нужна и «материальная основа, чтобы преподавательское сообщество могло доносить правильные слова до молодежи, а не примыкало к ней в своих протестных настроениях — как обездоленная часть российского общества».

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 19-011-31219.

Библиографический список

- [1] Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // В мире научных открытий. 2014. № 3–4.
- [2] Бараиш Р.Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3.
- [3] Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
- [4] Жаворонкова Т.В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями // Вестник ОГУ. 2015. № 3.

- [5] *Зайцев Д.В., Калиева Ж.А.* Опыт активистской молодежной деятельности в Саратовском регионе // *Инновационная деятельность*. 2016. № 2.
- [6] *Злоказов К.В.* Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 26. Вып. 4.
- [7] Количество экстремистских преступлений в России за год снизилось вдвое // URL: <https://ria.ru/20190821/1557724554.html>.
- [8] *Ксенофонтова И.В.* Роль Интернета в развитии протестного движения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 3.
- [9] *Логинова Л.В., Щебланова В.В.* Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2.
- [10] *Логинова Л.В., Щебланова В.В., Суркова И.Ю.* Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // *Вестник СГЮА*. 2019. № 6.
- [11] *Лубавин И.В.* Молодежный активизм как социальная проблема. Саранск, 2019.
- [12] *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [13] *Мельник Г.С.* Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // *Вестник СПбГУ*. 2015. Серия 16. Вып. 3.
- [14] *Михайлова Е.В., Скогорев А.П.* Протесты как форма гражданской активности в современной России // *Власть*. 2017. № 1.
- [15] Молодежный активизм = общественная польза? // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>.
- [16] *Никовская Л.И.* Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // *Государство и граждане в электронной среде*. 2017. Вып. 1.
- [17] *Расторгуев С.В.* Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // *Политическая наука*. 2018. № 4.
- [18] *Сохадзе К.Г.* Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. № 3.
- [19] *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 1.
- [20] *Ушкин С.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 3.
- [21] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
- [22] *Advancing Youth Civic Engagement and Human Rights with Young Women and Young Men*. Nairobi. 2013.
- [23] *Buechler S.* Social Movements in Advanced Capitalism: The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism. Oxford, 1999.
- [24] *Fassett K.T., Priddie Ch., BrckaLorenz A., Kinzie J.* Activists, non-activists, and allies: Civic engagement and student types at MSIs // *Frontiers in Education*. 2018. № 3.
- [25] *Flanagan C.A., Faison N.* Youth civic development: Implications of research for social policy and programs // *Social Policy Report*. 2001. Vol. XV. № 1.
- [26] *Fuchs Ch.* The self-organization of social movements // *Systemic Practice and Action Research*. 2005. Vol. 19. № 1.
- [27] *Merton R.K.* Social structure and anomie // *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3.
- [28] *Offe C.* New social movements: Challenging the boundaries of institutional politics // *Social Research*. 1985. Vol. 52. № 4.
- [29] *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in 20th Century England. Oakland, 1966.
- [30] *Smelser N.* Theory of Collective Behavior. London, 2013.
- [31] *Scott A.* Ideology and the New Social Movements. London, 1990.

Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region*

V.V. Shcheblanova¹, L.V. Loginova¹, D.V. Zaitsev², I.Yu. Surkova³

¹Saratov State Law Academy
Volskaya St., 16, Saratov, 410028, Russia

²Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
Polytechnicheskaya St., 12, Saratov, 410054, Russia

³Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin — a branch of the RANEPA
Sobornaya Sq., 23/25, Saratov, 410017, Russia
(e-mail: vsheblanova@mail.ru; lvloginova66@mail.ru;
zaitsevd@bk.ru; irina_surkova@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the regional sociological study of the student youth civil activism and predicts the development of its destructive manifestations in the Volga Region. Civil activity is an integral component of renewal and social development, which is based on the multi-format and multi-vector activity of young people who strive for social transformations ‘here and now’. For some young people, activism became a kind of employment in offline and online formats. In some cases, destructive (even delinquent) civil activism of the youth is a response to an unfair, unlawful action or attitude, primarily of the authorities. Based on the theoretical ideas of structural functionalism, conflictological and interpretive approaches, the article reveals peculiarities of the youth activism in the Volga Region and presents their interpretation. The expert survey allowed to identify relationships between social injustice and civil activity. The authors also identified active dissemination of radical ideas at the grassroots level of everyday life, within everyday forms of interaction and under the decrease in public civil activity, which determines latent conflicts between the population and the government. The risk of an increase in social destructiveness is determined by the crisis of expectations of changes, unsolved social-economic problems, renaissance of socialist ideas that become popular among the youth, and an increase in the number of nonresident and especially foreign students. The student civil activity in the Volga Region focuses on the most pressing challenges at the federal and local levels. Sanctions against students participating in rallies and protest groups in social networks only stimulate the youth’s interest in protest activities. The region needs a youth policy responsive to the needs and demands of the youth and capable of creating a multi-format space for positive youth activism.

Key words: civil activism; youth; social activity; students; social destructiveness; Volga Region

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISR. Project No. 19-011-31219.

References

- [1] Baranova G.V., Kostenko V.V. Destrktivnost sotsialno-politicheskoy aktivnosti molodezhnykh obshchestvennykh organizatsiy [Destructiveness of the social-political activity of the youth public organizations]. *V Mire Nauchnykh Otkrytiy*. 2014; 3-4 (In Russ.).
- [2] Barash R.E. Sistemno-kommunikativnaya teoriya protesta: protest kak “alternativa bez alternativy” [System-communicative theory of protest: Protest as “an alternative without an

* © V.V. Shcheblanova, L.V. Loginova, D.V. Zaitsev, I.Yu. Surkova, 2020.

The article was submitted on 01.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- alternative”]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2018; 3 (In Russ.).
- [3] Deineka O.S., Zamarin A.V. Psikhologo-politicheskie osnovaniya destruktivnogo povedeniya [Psychological-political foundations of the destructive behavior]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014; 6 (In Russ.).
- [4] Zhavoronkova T.V. Ispolzovanie seti Internet terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiyami [The use of the Internet by terrorist and extremist organizations]. *Vestnik OGU*. 2015; 3 (In Russ.).
- [5] Zaitsev D.V., Kalieva Zh.A. Opyt aktivistskoy molodezhnoy deyatelnosti v Saratovskom regione [Youth activism in the Saratov Region]. *Innovatsionnaya Deyatelnost*. 2016; 2 (In Russ.).
- [6] Zlokazov K.V. Destruktivnoe povedenie v razlichnykh kontekstakh ego proyavleniya [Destructive behavior in different contexts of its manifestation]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2016; 26 (4) (In Russ.).
- [7] Kolichestvo ekstremistskikh prestupleniy v Rossii za god snizilos vdvoe [The number of extremist crimes in Russia halved in a year]. URL: <https://ria.ru/20190821/1557724554.html> (In Russ.).
- [8] Ksenofontova I.V. Rol Interneta v razvitii protestnogo dvizheniya [The role of the Internet in the development of the protest movement]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2012; 3 (In Russ.).
- [9] Loginova L.V., Shcheblanova V.V. Destruktivnaya grazhdanskaya aktivnost molodozhi: teoretiko-metodologicheskaya kontseptualizatsiya [Destructive civil activity of the youth: Theoretical-methodological conceptualization]. *Logos et Praxis*. 2019; 18 (2) (In Russ.).
- [10] Loginova L.V., Shcheblanova V.V., Surkova I.Yu. Kontseptualnaya model destruktivnoy grazhdanskoy aktivnosti studentov (na materialakh issledovaniy v Saratovskoy oblasti) [Conceptual model of the youth destructive civil activity (research data from the Saratov Region)]. *Vestnik SGYuA*. 2019; 6 (In Russ.).
- [11] Lubavin I.V. *Molodezhny aktivizm kak sotsialnaya problema* [Youth Activism as a Social Problem]. Saransk; 2019 (In Russ.).
- [12] Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [13] Melnik G.S. Takticheskie media v destruktivnykh tekhnologiyakh protesta [Tactic media in destructive protest technologies]. *Vestnik SPbGU*. 2015; 3 (In Russ.).
- [14] Mikhailova E.V., Skogorev A.P. Protesty kak forma grazhdanskoy aktivnosti v sovremennoy Rossii [Protests as a form of civil activity in contemporary Russia]. *Vlast*. 2017; 1 (In Russ.).
- [15] Molodozhny aktivizm = obshchestvennaya polza? [Youth activism = public benefit?]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775> (In Russ.).
- [16] Nikovskaya L.I. Grazhdansky aktivizm i publichnaya politika v Rossii: sostoyanie i vyzovy [Civil activism and public policy in Russia: Situation and challenges]. *Gosudarstvo i Grazhdane v Elektronnoy Srede*. 2017; 1 (In Russ.).
- [17] Rastorguev S.V. Ekstremizm v molodezhnoy srede sovremennoy Rossii: Vidy, faktory rasprostraneniya, myagkie tekhnologii profilaktiki [Extremism among the contemporary Russian youth: Types, factors of development, soft preventive technologies]. *Politicheskaya Nauka*. 2018; 4 (In Russ.).
- [18] Sokhadze K.G. Sotsialnaya aktivnost rossiyskoy molodezhi: masshtaby i faktory sderzhivaniya [Social activity of the Russian youth: Scale and obstacles]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 3 (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, em-piricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges] // *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2019; 18 (In Russ.).
- [20] Ushkin S. Na puti k luchshemu obshchestvu, ili pochemu lyudi stanovyatsya aktivistami? [Towards a better society, or why do people become activists?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2016; 3 (In Russ.).

- [21] Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Contemporary Society]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [22] *Advancing Youth Civic Engagement and Human Rights with Young Women and Young Men*. Nairobi; 2013.
- [23] Buechler S. *Social Movements in Advanced Capitalism: The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism*. Oxford; 1999.
- [24] Fassett K.T., Priddie Ch., BrckaLorenz A., Kinzie J. Activists, non-activists, and allies: Civic engagement and student types at MSIs. *Frontiers in Education*. 2018; 3.
- [25] Flanagan C.A., Faison N. Youth civic development: Implications of research for social policy and programs. *Social Policy Report*. 2001; XV (1).
- [26] Fuchs Ch. The self-organization of social movements. *Systemic Practice and Action Research*. 2005; 19 (1).
- [27] Merton R.K. Social structure and anomie. *American Sociological Review*. 1938; 3.
- [28] Offe C. New social movements: Challenging the boundaries of institutional politics. *Social Research*. 1985; 52 (4).
- [29] Runciman W.G. *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in 20th Century England*. Oakland; 1966.
- [30] Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. London; 2013.
- [31] Scott A. *Ideology and the New Social Movements*. London; 1990.